

Горькая весть

Стоп кадр

Экран и сцена. - 1998 -
апр. (~13). - с. 3.

Сердце его оказалось чувствительнее самой избирательной пленки.

Умер Саша Макаров. Кто знал его – в оторопи. Здоровяк, крепыш, бывший спортсмен, никогда не пил, не курил, потрясающий кулинар и гурман, любящий муж, отец, мечтал стать дедом. Всегда в работе, всегда на бегу, всегда все в порядке. Снимки нарасхват – последние годы он работал правительственным фотографом.

Александр Макаров сделал себе имя, снимая балет. И прицел его затвора всегда успевал за кульминациями музыки и танца. Он снял в балете все, что можно снять. И даже то, что невозможно, – самые черновые прогоны и репетиции, на которые никого не пускают. Его пускали. Не потому, что с кем-то дружил или кто-то ему покровительствовал. Дорогу ему открывали снимки. Глядя на них, нельзя было не ощутить прежде всего любовь автора к самому искусству танца – в его вершинных проявлениях он отбирал самые прекрасные проявления, в тяжелом труде артистов искал выявления характера, а может быть, даже судьбы.

Мы много работали вместе. Я застал еще черно-белого Макарова. По его рабочей фототеке – все премьеры, вводы, дебюты – легко проследить историю Большого театра. Без преувеличения тысячи фотографий расскажут по меньшей мере о четверти века жизни балета. По этим фотографиям можно составить предельно точную историю взаимоотношений людей, восхождений к славе, рождения спектаклей, возникновения новых кумиров. Нет ни одной звезды, траекторию судьбы которой не расчислил бы объектив Макарова.

Я люблю этого черно-белого мастера хотя бы по контрасту с его другим миром танца – красочным, торжественно-приподнятым, премьерным, звездным. Одного не бывает без другого – поверьте фотографии.

Он был блестящим репортером и настоящим фотохудожником. От щелчка до щелчка. Вот только сердце отказалось щелкнуть еще хотя бы раз. В микродолю, меньшую самой меньшей выдержки. Самому Саше Макарову выдержки хватило до этой роковой черты.

Александр АВДЕЕНКО